

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-90-107

УДК 1 (091)

ТЕМАТИЗАЦИЯ СПОСОБНОСТЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. НИЦШЕ

Бойко Владимир Анатольевич,

кандидат культурологии, доцент,

доцент кафедры философии Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0002-0365-5171

vboyko100@gmail.com

Аннотация

Тема способностей постоянно находилась в поле зрения Ницше; трансформации значения этого слова во многом определяют глубину его мифопоэтического дискурса. Противопоставление эстетической способности, которая реализуется в дионисовском дифирамбе и аполлоновском сновидении, и способности рассуждать логически является основой ницшеанского анализа основных тенденций развития культуры Древней Греции. Немецкий мыслитель связывал гармонизацию жизни с процессом стягивания всех способностей к одному центру, к одной кардинальной способности. Но гармонизация человеческой жизни требует не только ее углубления, но и расширения за пределы сферы индивидуального существования. Это углубление и расширение жизни должно быть связано с текущим положением вещей, с тем, что достижимо здесь и теперь. Отсюда интерес Ницше к проблеме исторического опыта, разграничения исторического и неисторического. Свободный ум – это прежде всего способность к разносторонности и цельности, широте и полноте. Мыслитель постоянно указывает на надындивидуальный характер способностей, в его исторических экскурсах субъектом способностей выступает человечество. Тематизация способностей Ницше демонстрирует несовместимость его творчества с индивидуалистическим мировоззрением. В определенном смысле «философия» Ницше есть концептуально выверенная стратегия применения метафоры способности в целях обозначения предельных оснований творческой жизни.

Ключевые слова: способность, идеал, творчество, свободный ум, индивидуализм, ценность, история.

Библиографическое описание для цитирования:

Бойко В.А. Тематизация способностей в творчестве Ф. Ницше // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 90–107. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-90-107.

При всей многогранности наследия Фридриха Ницше можно выделить несколько ключевых тем, с высокой степенью постоянства разрабатываемых немецким мыслителем на протяжении всей его творческой жизни, что и позволяет говорить о существовании «философии» Ницше, если не как системы идей, то как цельного замысла, ориентированного на решение одной задачи [5, с. 63–65]. Работа со словарем Ницше, пристальное наблюдение за трансформациями, которые происходят в его текстах со значениями слов, питает надежду некоторых представителей аналитической философии на возможность реконструкции «философской системы» Ницше. А. Данто даже утверждает, что аналитическое движение «должно было бы признать в нем своего предшественника». Своей книгой о Ницше он стремится внести вклад в восстановление его философского реноме и тем самым оказать влияние на своих единомышленников: «Если кто-то возьмет на себя труд по восстановлению его философии, по фиксации изменений, которые претерпевают значения его слов при переключении с контекста на контекст и обратно, то тогда Ницше неожиданно предстанет как почти что систематический, а равно и оригинальный и аналитический мыслитель» [3, с. 15, 16].

Одна из важнейших, постоянно присутствующих в творчестве Ницше тем, слово, трансформации значения которого во многом определяют глубину его *мифопоэтического дискурса* [1], – *способность*. Список способностей, которые упоминаются в его текстах, включает приближающееся к сотне количество словосочетаний. В определенном смысле «философия» Ницше есть концептуально выверенная стратегия применения метафоры *способности* в целях обозначения предельных оснований творческой жизни.

В первой книге Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) анализ основных тенденций развития культуры Древней Греции приводит автора к противопоставлению двух способностей – эстетической (художественной) способности и логического инстинкта. Эстетическая способность находит свое воплощение в дионисовском дифирамбе и аполлоновском сновидении, которые, согласно Ницше, «чудодейственным метафизическим актом эллинской “воли”» были связаны в единое целое и демонстрировали свою «парность» в аттической трагедии [4, т. 1/1, с. 23].

Важно подчеркнуть, что, говоря о «дионисовской способности», Ницше сразу же выходит за пределы индивида: субъектом этой способности выступает народ, и проявления ее – миф и музыка – носят надындивиду-

альный характер. «Музыка и трагический миф в одинаковой мере суть выражения дионисовской способности народа и неотделимы друг от друга» [4, т. 1, с. 142]. Вырождение мифа, равно как и связанной с ним музыки, есть ослабление дионисовской способности. Ницше воспеваает Диониса за то, что тот даровал человеку возможность «высшей активизации» всех его символических способностей: в дионисовском дифирамбе «к выражению стремится нечто доселе не испытанное, уничтожение индивидуации, единение в гении рода, даже самой природы» [Там же, с. 225]; покрывало Майи срывается, и «глубина природы должна найти себе теперь символическое выражение; необходим новый мир символов» [Там же, с. 30–31]. Значение греческой трагедии, согласно Ницше, в том, что выступления певцов-актеров есть воплощение «концентрации и тренированности всех способностей» [Там же, с. 173], способностей не индивидуальных, а общенародных и даже сверхчеловеческих. Ведь искусство вырывает человека из-под власти устоявшихся форм и вовлекает в игру внечеловеческих сил. Подлинный художник свободен от произвола своей индивидуальной воли, он является «медумом, средой, через которую единый истинно сущий субъект празднует свое спасение в иллюзии» [Там же, с. 43]. В основе эстетического феномена лежит «способность постоянно видеть перед собой живую игру и жить непрестанно окруженным толпою духов – при этом условии будешь поэтом; стоит только почувствовать стремление претворять себя в различные образы и говорить из других душ и тел – и будешь драматургом. Дионисовское возбуждение способно сообщить целой толпе эту художественную способность видеть себя в центре такого сонма духов и чувствовать свое внутреннее единство с ним» [Там же, с. 55–56].

Древнегреческая культура вмещала в себя и четко выраженную альтернативу эстетической способности – способность рассуждать логически, подчиняться власти механики понятий, суждений и умозаключений. С апологией способности «проникать в основания вещей и отделять истинное познание от иллюзии и заблуждения» впервые выступил Сократ, считавший ее самой изумительной «в сравнении со всеми прочими способностями», «благороднейшим, даже единственным истинно человеческим призванием», «достойнейшим удивления даром природы» [Там же, с. 92, 261]. Его ученик Платон, отмечает Ницше, «истинную творческую способность поэта... чаще всего обсуждает в исключительно ироническом тоне, уподобляя ее талантам прорицателей и гадателей» [Там же, с. 194].

И это – порочная альтернатива. Ведь человек не укладывается в прокрустово ложе рациональности, его природа сложна и противоречива, носит «жуткий, двойственный характер». Ницше склонен видеть в способности человека к ужасным поступкам ту плодородную почву, «из которой только и может вырасти вся гуманность побуждений, поступков и творений»

[Там же, с. 291]. Античные мыслители, начиная с Парменида, разрывают человеческую природу на части, противопоставляя абстрактное мышление и ощущение как отдельные способности, и тем самым провоцируют «ошибочный развод “духа” и “тела”, который, особенно со времен Платона, как проклятие сопровождает философию» [Там же, с. 340]. Элеаты, пишет Ницше, вознесли понятия над действительностью, видели в них меру действительности на основе «совершенно недоказуемого, даже невероятного предположения, будто в нашей способности образовать понятие мы обладаем решительно высшим критерием бытия и небытия» [Там же, с. 346]. Конечно, эстетические и религиозные способности не чужды философам, но их «порода» вмещает в себя еще одну составляющую, власть которой носит тотальный характер, – диалектическую способность, «наслаждение от вывода заключений». «Философ стремится к тому, чтобы в нем нашло отклик созвучие всего мира: он хочет его выразить из себя в понятиях, созерцая, как художник, сострадая, как верующий, ища целей и причинной связи, как ученый; чувствуя себя вознесенным до беспредельности макрокосма, он при всем том еще сохраняет в себе способность холодно изучать себя, как драматический художник, который, перевоплощаясь в разные персонажи и говоря их устами, умеет проецировать эти превращения наружу в стихотворных строках. Чем здесь для поэта является стихотворная форма, тем для философа – диалектическое мышление: он хватается за него, чтобы в нем удержать свою зачарованность и материализовать ее» [Там же, с. 317]. В дальнейшем Ницше все чаще и чаще будет подчеркивать прагматические, индивидуалистические аспекты философской деятельности, которые в конечном счете обусловлены пошлым инстинктом соперничества, принуждающим «всех этих прирожденных диалектиков превозносить свою личную способность как высшее качество, а все, что есть еще хорошего, представлять как обусловленное им. Вот он, *антинаучный* дух всей этой “философии”: *она хочет выиграть дело*» [4, т. 13, с. 304].

Когда Ницше обсуждает способность логически рассуждать, он, как и в случае «дионисовской способности», указывает на ее надындивидуальный характер. Находящая свое концентрированное выражение в философском деле «способность быстро понимать» есть следствие «способности *быстро притворяться*» – «подлинной родине подражательных искусств и повышенных умственных способностей», присущей боязливым народам и убывающей у гордых, отважных людей и народов [4, т. 3, с. 122]. В «способности пугаться» Ницше видит «верный признак разумности» [Там же, с. 185], а в «понимании» – «признак вовсе не высокоразвитой способности, а *изрядной утомленности*», *décadence*'а [4, т. 12, с. 204].

История философии, утверждение ее в качестве одного из оснований современной культуры противоречит мечте раннего Ницше о гармонии

жизни, возникающей «когда всё стягивается к одному центру, к одной кардинальной способности, а не когда многочисленные слабые силы устраивают концерт одновременно» [4, т. 7, с. 663]. Его идеал – люди, «которым до того свойственны постоянная самодостаточность и гармоничное сочетание всех способностей, что им претит всякая целеполагающая деятельность»; люди, подобные «музыке, состоящей из одних только продолжительных гармонических аккордов, в которой нет и намека на артикулированно проведенную мелодию» [4, т. 2, с. 325]. Благодаря таким людям осуществляется гармония мира. «Но где нам вообще найти гармоничную цельность и полифоническую слаженность в одной натуре», людей, «в которых всё – познание, желание, любовь, ненависть – устремлено к единой центральной точке, к единой коренной способности, и где как раз благодаря принуждающей и господствующей верховной власти этого животворящего центра... образуется гармоничная система?», – вопрошает Ницше [4, т. 1/2, с. 180]. Идеал человека был реализован в аттической трагедии, где рождающийся в муках человек служил воплощением природы «в ее высшей творческой и познающей способности» [4, т. 7, с. 112].

Но как прийти к этому идеалу сегодня? Обсуждая эту проблему, немецкий мыслитель обращается к теме воспитания и образования. Он ищет среди своих современников «философа-воспитателя» (и некоторое время он был склонен видеть в роли такого наставника А. Шопенгауэра), который «не только раскрыл бы центральную способность, но и сумел бы уберечь все другие способности от разрушения с ее стороны: а задачей воспитания для него... было бы, скорее, преобразование всего человека в живую движущуюся солнечную и планетную систему и познание закона ее высшей механики» [4, т. 1/2, с. 180]. Он делает ставку на Р. Вагнера, обладавшего редкой, привлекательной для Ницше способностью преодолеть себя [Там же, с. 319], и воспитательный потенциал искусства – ведь восприятие произведений искусства предполагает гармоничное единство познавательной способности и воли [4, т. 7, с. 65]. Он подчеркивает, что «эстетическое суждение рождается из пробуждения творческих способностей. Не *из понятий*» [Там же, с. 357].

Возвращение к свойственной эллинизму гармонии предполагает преодоление современных ошибочных теоретических представлений о многообразии искусств и возможности наслаждения ими порознь; эти представления есть следствие развития «частных способностей» [Там же, с. 25]. Все частное, индивидуальное, эгоистическое является препятствием на пути формирования творческой личности: «Греческий художник обращается своим произведением не к одиночке, а к государству: а государственное воспитание и было, в свою очередь, воспитанием у каждого способности наслаждаться произведениями искусства» [Там же, с. 157]. Приходящее на

смену религии искусство, полагает Ницше, «наливается жизнью», придает ей богатство и полноту, «наследует множество порожденных религией чувств и настроений, усваивает их и само становится глубже, сердечней, обретая способность сообщать воодушевление и восторг, которою дотоле еще не владела» [4, т. 2, с. 131]. Гармонизация человеческой жизни требует не только ее углубления, но и расширения за пределы сферы индивидуального существования, что и должно составлять смысл деятельности современных образовательных учреждений. Задача образования, говорит Ницше, заключается в выработке «“годных к обращению” людей, вроде того как называют “годной к обращению” монету», ведь счастье народа непосредственно зависит от количества таких людей; образование призвано «помочь каждому... развить задатки своей способности стать “годным к обращению”», дать каждому возможность извлекать «из своей суммы знаний и умений возможно большую сумму счастья и выгоды» [4, т. 1/2, с. 359].

Это углубление и расширение человеческой жизни должно быть связано с текущим положением вещей, с тем, что достижимо здесь и теперь. Отсюда интерес Ницше к проблеме исторического опыта, разграничения исторического и неисторического. Важнейшей предпосылкой счастья он считает «способность забвения, или, выражаясь более научно, способность в течение того времени, пока длится это счастье, чувствовать неисторически» [Там же, с. 89–90]. Способность забвения разворачивается под руководством «здорового инстинкта», определяющего, «когда нужно ощущать исторически и когда – неисторически» [Там же, с. 91]. Ницше подчеркивает, что именно способность чувствовать неисторически «является фундаментом, на котором только вообще и может быть построено нечто правильное, здоровое и великое, нечто подлинно человеческое» [Там же, с. 92]. Прошлое необходимо использовать для жизни; благодаря способности творить историю человек создает себя, но «в избытке истории человек снова перестает быть человеком, а без упомянутой оболочки неисторического он никогда бы не начал и не отважился ничего начать» [Там же]. История подавляет обычного человека, ослабляет его способность действовать, так как «не позволяет разглядеть *образцы* для подражания, запутывает в массе» [4, т. 7, с. 552]. Обращаться к истории должны лишь профессионалы, наделенные «способностью перечеканивать общеизвестное в нечто неслыханное и провозглашать общее положение в такой простой и глубокой форме, что при этом простота не замечается из-за глубины и глубина из-за простоты» [4, т. 1/2, с. 133]. Счастье отдельного человека и всего народа невозможно без этой деликатной профессиональной работы с историческим прошлым. В свою очередь, достижение счастья автоматически, неизбежно ведет к развитию культуры: «Удовлетворенность собственными силами, исчезновение страха перед другими, желание быть с ними

рядом, соревнование с ними в добре, осознаваемый нами избыток способностей, орудий, детей, слуг – *in summa*; чувство благополучия любого рода направляет нас на путь более высокой культуры и заставляет двигаться вперед. Нужда же ведет к отставанию, делает нас инертными, недоверчивыми, суеверными и чрезмерно суровыми в соблюдении обычаев. Культура есть постепенно складывающееся *следствие счастья бесчисленных одиночек*, но не их замысел» [4, т. 9, с. 93]. Счастье объединяет людей и делает их сильными, «способность разделять чужую радость... *умножает* мировую силу» [Там же, с. 355]. Счастье для раннего Ницше – это еще одна перспектива единства, преодоления связанной с аполлоновским началом культуры индивидуальности, разрозненности.

Но очень скоро немецкий мыслитель разочаровывается в своих идеалах и кумирах. Современная наука и образование не позволяют достичь гармонического единства человеческой жизни, соединить «все человеческие способности, как реки в море» [Там же, с. 144]. «Сколь далеки мы еще от того момента, – вынужден констатировать Ницше, – когда научное мышление соединится с художественными способностями и практической жизненной мудростью и образует более высокую органическую систему, в сравнении с которой ученый, врач, художник и законодатель, какими мы видим их теперь, покажутся безнадежно устаревшими» [4, т. 3, с. 433]. Удушливая атмосфера общественной жизни ведет к постепенной деградации способностей современного человека. Индивидуальность растворяется без остатка в дурно устроенном целом. Единственная цель, которую может достичь наш современник, – *«погибнуть не без следа»*: «Не *вдруг*, а мало-помалу дробятся, рассыпаются наши способности, достигнутое нами величие; мелкая растительность, прорастающая в любых щелях, умеющая зацепиться за что угодно, разрушает все, что в нас есть великого, – эта ежедневная, ежечасная неприметная убогость нашего окружения, тысячи корешков того или другого мелкого и мелочного чувства, вырастающего из отношений с соседями, сослуживцами, приятелями, из нашего распорядка дня. Если не замечать эти мелкие сорняки, мы незаметно начнем гибнуть от них! – А если уж вы непременно хотите погибнуть, то лучше сделайте это *одним махом*, внезапно: тогда, может быть, от вас останутся *благородные развалины!*» [Там же, с. 246]. Вне перспективы обретения целостности, гармонизации различных начал жизни человек теряет себя, превращается в раба настоящего, симулякра упадочной культуры и составляющих ее ценностей.

Ставка современного человека на рациональность, по Ницше, означает готовность принять ложь, стать действующим механизмом обмана и, что более важно, самообмана. Заблуждение есть условие мышления, ведь «способность, *желающая заблуждаться*» пронизывает всякую органическую деятельность, все «сильнейшие инстинкты жизни» [4, т. 12, с. 493]. Способ-

ность сознания к заблуждениям носит разрушительный по отношению к жизни характер, ведет к ее вырождению [4, т. 13, с. 37]. Философы, противопоставляющие заблуждению истину, не просто находятся во власти *желания* заблуждаться, они многократно усиливают эффект заблуждения. «“Истина”, – говорит Ницше, – *более* губительна, нежели заблуждение и невежество, ибо связывает те способности, с помощью коих работают ради просвещения и познания» [Там же, с. 399]. Поэтому единственно приемлемая гносеологическая установка – релятивистская концепция истины.

В метафизике, морали, религии, науке Ницше видит разновидности лжи, позволяющей временно обрести *доверие* к жизни. Ложь выступает стержнем конкретного человеческого существования, определяет индивидуальный образ действия и мышления. Чтобы *поверить* в жизнь, человек «уже от природы должен быть лжецом», и наиболее впечатляющее проявление способности «выдерживать жизнь, хотя она и кажется достойной того, чтобы отринуть ее с отвращением и ужасом» [4, т. 3, с. 117], – искусство. В черновых записях раннего Ницше присутствуют следы его сомнений относительно возвышающей силы искусства: «Искусство несет в себе радостную способность будить веру, изображая поверхность: но нас ведь не обманывают? Тогда искусство прекратилось бы!» [4, т. 7, с. 571]. Позднее эти сомнения обретут в его оценках действительности характер твердого убеждения. Реализация стремления человека *верить* в жизнь – сложнейшая задача. Ее решение требует от человека *быть* художником. «Он им и является: метафизика, мораль, религия, наука – все это лишь продукты его воли к искусству, ко лжи, к бегству от “истины”, к *отрицанию* “истины”. Сама эта способность, благодаря которой он *насилует реальность ложью*, эта присущая человеку *художническая способность* par excellence, – она все еще разделяется им со всем сущим: ведь он сам есть частица действительности, истины, природы – он сам есть также и частица *гения лжи...*» [4, т. 13, с. 181]. Как и в случае философии, поздний Ницше связывает происхождение искусства с развитием способности лгать и притворяться, отмечая возрастание «чувства *уверенности* и духовного превосходства» у людей, избравших для себя путь изощренной лжи и тотального притворства [4, т. 11, с. 111].

Путь лжи и притворства ведет к кристаллизации индивидуальности. Но обратная сторона такого рода индивидуализма – вовлеченность «героя» в действия человеческих масс, ориентация на принимаемые толпой ценности, что есть ярко выраженный симптом *decadence*'а. «Усвоенные от других ценности, – утверждает Ницше, – сокращают удовольствие и, как следствие, жизнеспособность» [4, т. 9, с. 26].

Преодоление тенденции вырождения жизни с необходимостью предполагает отказ от индивидуализма, борьбу за *переоценку ценностей*. Творчество Ницше всецело посвящено этой борьбе, в ходе которой чудесным

образом рождается идеальная личность, гармонично сочетающая разнообразные способности в единое целое. Процесс этой трансформации, последовательность реализации *способности стать самим собой* детально представлены ее субъектом на страницах книги «Ессе homo»: «Всю поверхность сознания – а сознание *есть* поверхность – надо хранить чистой от какого бы то ни было великого императива. Надо остерегаться даже всякого величественного слова, всякой величественной позы!... Меж тем в глубине постепенно растет организующая, призванная к господству “идея” – она начинает повелевать, она медленно выводит *обратно* с окольных и ложных путей, она подготавливает *отдельные* качества и способности, которые однажды проявят себя необходимым средством для целого, – она выстраивает поочередно все *служебные* способности еще до того, как даст знать что-либо о доминирующей задаче, о “цели” и “смысле”... С этой точки зрения моя жизнь просто чудесна. Для задачи *переоценки ценностей* потребовалось бы, пожалуй, больше способностей, чем когда-либо соединялось в одном человеке, прежде всего – противоположность способностей, без того, чтобы они мешали друг другу, разрушали друг друга. Иерархия способностей, дистанция, искусство разделять, не создавая вражды; ничего не смешивать, ничего не “примирять”; неимоверное разнообразие, которое, несмотря на это, есть противоположность хаоса, – таково было предварительное условие, долгая сокровенная работа и артистизм моего инстинкта. Его *высший надзор* проявлял себя до такой степени, что я ни в одном случае даже не догадывался о том, что созревает во мне, – в один прекрасный день все мои способности *выступили* внезапно, зрело, во всем своем совершенстве» [4, т. 6, с. 219, 220]. Вдохновленный чудом рождения идеальной личности, Ницше стремится преодолеть пределы собственного Я; он грезит о создании «*господствующей касты*, людей обширнейшей души, способных решать самые разные задачи управления землей», в каждом представителе этой касты, в каждом *свободном уме* будут собраны воедино «все существовавшие до сих пор отдельные способности» [4, т. 11, с. 73–74].

Свободному уму ведомо величие. Он наделен *способностью к великому*, ибо без этой способности «знатоки великого» суть «заросшие сорной травой, оторванные от родной почвы и поэтому выродившиеся растения» [4, т. 1/2, с. 104]. Свободный ум утверждает жизнь, он обладает *великим* здоровьем, связанным с «преизбытком пластических, целительных, воспроизводящих и восстанавливающих способностей», что дарует ему «опасную привилегию жить *на удачу* и быть способным не уклоняться от авантюры» [4, т. 2, с. 15]. Средоточие свободного ума, главная его движущая сила заключается в отказе считать презренным изменение своих суждений; «в *способностях* поменять свои мнения он с почтением видит редкостное и высокое отличие, в особенности если оно свойственно человеку вплоть до самой старости» [4, т. 3,

с. 54]. Свободный ум утверждает жизнь во всем ее многообразии, он «несет в себе способности ко многим *personae*¹» [4, т. 11, с. 567]. В изменчивости, подвижности его мышления и характера проявляется подлинная природа человека, «человек как множественность “воля к власти”: и каждая из них обладает множеством средств выражения и форм»² [4, т. 12, с. 23]. Свободный ум обладает способностью находить самого себя вопреки исторически сложившимся метафизическим предрассудкам о «духовном» предназначении человека: «Некоторые говорят: нужно развивать все способности, подчиняя те, которые представляют собой средства и органы, тем, которые составляют для людей их цель. Наша природа имеет сложный состав: в ней следует различать факты высшего и низшего порядка. Но почему я должен следовать цели моего вида, если по воле случая в моем представлении перевернут установленный порядок целей и средств? Например, если я более склонен к плотским удовольствиям, чем к духовным...?» [4, т. 9, с. 216].

Свободный ум, всегда готовый изменить свои суждения, несовместим со служением какой-либо «великой» цели. Ницше отрицает существование «великого *синтетического человека*, типа, в котором многообразные способности беззаветно работали бы на единую цель», в нашем распоряжении есть лишь человек как «*многоликий*, самый интересный хаос, какой только, верно, доселе и был» [4, т. 12, с. 368]. *Способность* свободного ума *быть себе хозяином в больших и малых делах* предполагает предельно уважительное, даже влюбленное, отношение к беспредельным возможностям становящегося Я³: «*Auto-idolâtrie*⁴. Поэтическая гармония характера. Эвритмия характера и способностей. Сохранять все способности. Заставлять все способности расти. *Культ*» [4, т. 13, с. 73]. Ведь в своем становлении Я отражает движение мироздания, свет мира, и отблески этого света приносят радость, придают силы жить другим людям. «Жажда себя», по Ницше, предполагает выход за пределы индивидуума. *Господствующая каста* – это люди, существование которых придает смысл существованию человечества, возвращающие человеческую природу к ее возвышенным истокам. Это личности, растворяющиеся в своем благотворном свете, тождественные ему: «В помраченном состоянии уныния, болезни, долгов нам по нраву замечать, что мы еще светим другим и они видят в нас светлый диск

¹ личностям (*лат.*)

² «Отдельные, как думают, страсти (скажем, данный человек жесток), – продолжает Ницше обличать схематизм устоявшихся представлений о человеке, – это лишь *мнимые единства*, поскольку элементы, попадающие в сознание от различных основных влечений в качестве *однородных*, синтетически сплавиваются в единую “сущность” или “способность”, в одну страсть».

³ Его противоположность – «*надежное и длительное* представление о «Я», являющееся *мотивом* нашего поведения»; стремление людей иметь дело с застывшим, статичным образом Я, по Ницше, есть «*попытка* увидеть и понять *нашу* бесконечно сложную сущность в некоей *упрощенной* форме» [4, т. 9, с. 311].

⁴ Поклонение себе самому (*фр.*)

луны. Этим окольным путем мы причащаемся своей собственной способности *озарять*» [4, т. 2, с. 373].

Ницше утверждает, что величие – это прежде всего способность к разносторонности и цельности, широте и полноте. Свободный ум находится «по ту сторону добра и зла», он противопоставит добродетелям *decadence*'а, ослабляющим волю к жизни. Будучи господином своих добродетелей, обладая огромным запасом воли, великий человек, которому присущи «аристократизм, воление к-бытию-для себя, способность-быть-иным, само-стояние, обязанность-жить-на свой страх и риск», испытывает враждебное отношение к себе со стороны «стадных животных», определяющих моральный облик современного мира [4, т. 5, с. 137]. Обыватель «трудолюбив, умеет терпеливо стоять в строю, его способности и потребности равномерны и умеренны, у него есть инстинкт чужь себе подобных и то, что нужно ему подобным» [Там же, с. 125]. «Равенство прав», которое исповедует стадное животное, легко оборачивается «равенством в бесправии, то есть всеобщей враждебностью ко всему редкому, чуждому, привилегированному, к высшему человеку, к высшей душе, к высшему долгу, к высшей ответственности, к творческому избытку мощи и властности» [Там же, с. 137]. Ницше постоянно обличает стремление к равенству, выражающее унылую слабость воли, умаление и отрицание жизни: «Желание быть равным притупляет способность радоваться» [4, т. 9, с. 11]. Торжество идеала равенства ведет к деградации общества, несовместимо с реализацией идеала гармоничной личности, сочетающей в себе все высшие способности. Равенство – синоним рабства. «Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезают язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но *в стаде должно быть равенство...*» [4, т. 13, с. 138–139]. Поэтому для Ницше столь важна идея иерархии, в основе которой лежит *историческое чувство* – «способность быстро отгадывать ранговый порядок оценок, которыми руководствовался в своей жизни данный народ, общество, человек, “пророческий инстинкт”, прозревающий отношения этих оценок, отношения авторитета ценностей к авторитету действующих сил» [4, т. 5, с. 147].

Ницше объявляет войну современному человеку и «общечеловеческой» морали. Раб должен быть уничтожен, дабы вырвалась на простор скрытая в нем весть: «человек не цель, но лишь путь, инцидент, мост, великое обещание...» [4, т. 5, с. 302; т. 4, с. 203]. Ницше готов расчленивать че-

ловека ради торжества *творца* над *тварью*, противоречиво слитых в человеке воедино, и, казалось бы, в своей борьбе против «человека» делая ставку на «индивида» как антипода «стадных людей». Он констатирует, что есть только индивиды, а понятие «человек», как и любое другое понятие, предполагает устранение всего частного, индивидуального. Следовательно, попытка определить цель человеческого существования препятствует индивидуальному развитию личности. «Не должен ли всякий индивид, – риторически вопрошает Ницше, – наоборот, быть попыткой *достичь вида более высокого, чем человек*, при помощи его наиболее индивидуальных свойств? В соответствии с моей моралью следовало бы все больше *отнимать* у человека его всеобщие черты и придавать ему особость, сделав его до известной степени менее понятным для других (а значит, предметом переживаний, удивления, поучительным для них)» [4, т. 9, с. 224–225].

Идеал, к которому стремится человечество (народы, партии, религиозные общины и т. д.), должен быть разбит молотом, и на смену ему придет идеал, к которому стремится конкретный индивид. Индивидуальность – исчезающий феномен современной жизни, ибо «где есть рабство, там лишь немногие остаются индивидуумами, и против них оборачиваются стадные инстинкты и совесть» [4, т. 3, с. 452]; «слабые люди боятся сильной личности и предпочитают *всеобщее ослабление*, а не развитие индивидуальности» [4, т. 9, с. 226]. Все силы человека, неуютно чувствующего себя в стаде, должны быть направлены на то, «чтобы *каждый создал* свой образец и претворил его в жизнь»; в этом образце обретут *возвышенную форму* ошибки и инстинкты конкретного индивида [Там же, с. 257]. В основе индивидуализма лежит желание быть целью и единым целым, но его практическое утверждение не сводится к работе человека над самим собой. Разнообразие конкретных идеалов, индивидуализм идеала выступают для Ницше средством отрицания всеобщей морали, альтернативой вырождения человечества и упадка культуры. Ориентация на идеальный образ конкретного Я создает возможность *счастливой* жизни, и «чем большей индивидуальностью обладает каждый в отдельности, тем более продуктивным будет для культуры его счастье» [Там же, с. 93]. Ницше стремится всемерно способствовать движению своих современников и потомков по пути индивидуализации идеала: «Всем тем, кто ищет для себя образец, я хочу помочь, показав, *как* нужно его искать: величайшая радость для меня – находить индивидуальные образцы, *не* похожие на меня» [Там же, с. 194].

Позитивная оценка Ницше феномена индивидуальности характерна для периода его работы над книгой «Утренняя заря» (1881), положившей начало его «походу против *морали*», книге, созданной «крайним малокровием и слабостью мускулов», и вместе с тем «ясностью диалектика» [4, т. 6, с. 192–193, 247]. Этот период заканчивается тем, что автор приходит к вы-

воду, что вера в индивидуума есть составная часть «нереального мира заблуждения», и не включает большинство фрагментов, связанных с обсуждением феномена индивидуальности, в основной текст книги. Страсть к диалектике, стремление быть причастным к непрекращающемуся потоку жизни, «смотреть на мир как можно *большим* числом глаз» приводит Ницше к отрицанию индивидуума в себе [4, т. 9, с. 459] и, следовательно, к необходимости выхода за пределы индивидуалистического подхода к жизни. «Непрерывное *превращение* – ты должен за короткое время пройти через множество индивидуумов. Средство – *непрерывная борьба*» [Там же, с. 482]. Сегодня «индивид» – лишь изысканное заблуждение. «Он *борется* за свое существование... Он желает *господствовать*. Но вдруг индивидуум обнаруживает, что он сам есть нечто изменчивое...: его утонченность открывает ему тайну, что индивидуума не существует, что в каждый момент он не то, что в предыдущий, и что условия его существования такие же, как и у бесчисленного множества других индивидуумов: *бесконечно малое мгновение* есть высшая реальность и истина, молниеносный образ в вечном потоке» [Там же, с. 465].

Конечно, будучи диалектиком *par excellence*, Ницше не готов навсегда распрощаться с «изысканным заблуждением» индивидуализма, он принимает это заблуждение с присущими ему противоречиями как момент становления «человеческого, слишком человеческого». «Чтобы иметь возможность жить индивидуально, нужно, в свою очередь, сперва помочь обществу достичь высокого уровня развития и продолжать развивать его и впредь. Противоречие: сначала индивидуально обретает некоторую силу в союзе с обществом. – Наконец наступит момент, когда мы захотим вырваться за рамки индивидуального и идиосинкразического, – но лишь в союзе с индивидуумом, с противоположностью, мы сможем придать этому устремлению силу» [Там же, с. 469]. Причем речь идет не только о жизненной стратегии отдельно взятой личности, но и о человечестве в целом. Стадный инстинкт, «*треуголизм*», по Ницше, древнее индивидуалистического «стремления к самосохранению»: «Вначале человек *развивается как функция*, позднее из нее выделяется индивидуум, который, будучи *функцией*, **познал** и постепенно *усвоил* бесконечное множество условий *целого, организма*» [Там же, с. 480]. Отсутствие «*надежного и длительного* представления о Я», которое мыслитель обнаруживает в акте саморефлексии, есть результат исторической трансформации человека: «Превращение человека сначала требует тысячелетий, пока не образуется тип, затем поколений, а в конце концов *один* человек на протяжении своей жизни проходит через *несколько* индивидуумов» [Там же, с. 506–507]. Ницше отрицает индивидуализм как принцип мышления, но его интерес вызывает индивид как «*сложнейший факт* этого мира, *высочайший случай*» [Там же, с. 436]. Индивид

принципиально непознаваем, утверждает Ницше, его ценность состоит в принадлежности к целому, в том, что он «есть во всех отношениях частица фатума, еще один закон, еще одна необходимость для всего, что близится и что будет» [4, т. 6, с. 39]. Индивид неразрывно связан с условиями своего существования, фатальность его сущности есть фатальность жизни во всей ее полноте. «Он *не* есть следствие собственного намерения, воли, цели, в лице его *не* делается попытка достичь «идеала человека», или «идеала счастья», или «идеала нравственности», – абсурдно пытаться *свалить* его сущность в какую-нибудь цель. <...> Но *нет ничего, кроме целого!*» [Там же, с. 48]. Таким образом, мыслителя интересует не индивид как таковой, а становление целого во всем его разнообразии.

Неприятие Ницше принципа индивидуализма проявляется и в его трактовке сознания. Он не признает сознание как единство и способность [4, т. 13, с. 376], сознание есть поверхность. Мыслью человеческой движет «гений рода», в истоках и последующем развитии своем сознание отражает родовое, стадное начало в человеке, служит средством достижения полезных для существования человеческого сообщества результатов. Сознание лишено индивидуального характера «и, стало быть, каждый из нас, при всем желании в максимальной степени *понять* себя индивидуально, “узнать самого себя”, тем не менее всегда будет сознавать только неиндивидуальное в себе, свой “средний уровень”» [4, т. 3, с. 542]. Ницше вынужден «философствовать молотом» в силу того, что «наша мысль своей сознательностью» навязчиво задает «стадные перспективы», приковывает нас к прошлому, к эпохе, когда был приведен в действие механизм деградации человека. «Мы, – констатирует Ницше, – уже давно являемся *неправильно сформировавшимися существами*» [4, т. 9, с. 474]. Причину деградации человеческого рода он видит в разделении способностей, которые на заре человеческой истории составляли единое целое. В частности, единство составляли мысли и чувственные восприятия, но в ходе «взаимного разделения труда» чувственные восприятия отделились от мышления и способности суждения [4, т. 12, с. 31].

Историческое чувство ведет позднего Ницше за пределы эпохи формирования человека *decadence*'а – в предельно далекое прошлое, к образу человека, гармонично сочетающего в себе все способности. Он убежден, что «феномен более полный изначален: способности человека нашей культуры – остаток каких-то более полных способностей» [4, т. 13, с. 274]. В черновых записях Ницше намечены контуры исторической динамики способностей. Отправной точкой его размышлений служит тот факт, что «в морфологической цепи животных *развивается* нервная система, а позднее мозг», следовательно, первоначально «развивается способность *чувствовать*, а позднее – способность творить образы и *мышление*» [4, т. 11, с. 95].

Указанный порядок кристаллизации отдельных способностей предполагает, что художественная способность ближе к изначальному единству способностей, чем способность рассуждать. Ницше рассматривает мышление как схематизацию, *огрубление* действительности. Мысли предшествует образ; «прежде чем “помыслить”, нужно *сочинить*, способность оформлять предшествует способности “мыслить”». [4, т. 11, с. 571]. Здесь сохраняется система приоритетов, обозначенная в «Рождении трагедии из духа музыки»: поэт возвышается над философом. Важно, что, как и в первой своей книге, Ницше говорит о надындивидуальном характере способностей. В его исторических экскурсах субъектом способностей выступает человечество: «Способности человечества естественным образом должны развиваться последовательно: сперва развиваются способности *неопасные* (восхваляются, одобряются), а уж те способности, что посильнее, наоборот, как можно дольше подвергаются клевете и дискредитации» [4, т. 12, с. 17].

Тематизация способностей Ницше демонстрирует несовместимость его творчества с индивидуалистическим мировоззрением. «Индивидуальное должно быть сначала выражено, затем преодолено» [4, т. 8, с. 76]; «Сделать так, чтобы индивидууму было неудобно, – моя задача» [Там же, с. 163]. Стремление вырваться за рамки индивидуального сказывается и в критическом отношении Ницше к «кумирам молодости» (Шопенгауэру, Вагнеру, отчасти Канту⁵), и в отказе отождествлять себя со своими книгами: «Одно дело – я, другое – мои произведения» [4, т. 6, с. 223]. Авторитеты, книги, слова – всё это ценности раба. Ницше сохраняет дистанцию и по отношению к словам. Язык не в состоянии отразить богатство и полноту действительности. К рассуждениям Ницше о диалектике индивидуального нельзя не добавить его указание на несовершенство используемого понятия: «Понятие “индивид”, “личность” содержит в себе великое облегчение для натуралистического мышления, которое уютнее всего чувствует себя в таблице умножения. В действительности же в нем кроются предрассудки: к сожалению, у нас нет слов для обозначения того, что действительно происходит на пути к индивиду, к “личности”, а именно для обозначения ступеней интенсивности» [4, т. 11, с. 567]. Аналогичной критике подвергается столь важное для Ницше понятие «воля»: «В начале стоит великое роковое заблуждение, что воля есть нечто *действующее* – что воля есть *способность*... Нынче мы знаем, что она – только слово...» [4, т. 6, с. 31]. В составленных Ницше списках псевдопонятий, конечно же, присутствует «способность»: «Способности, инстинкты, наследственность, привычка» – кто пытается

⁵ Ницше полагает, что познавательная способность прошла долгий путь становления. Кант лишен чувства исторического, он «пускает в дело *способность*» там, где не находит объяснений [4, т. 11, с. 255]. Критику Ницше *открытой* Кантом способности к априорным синтетическим суждениям см.: [4, т. 5, с. 22–23, 433–434 прим.].

что-то объяснить подобными словами, тот сегодня выглядит скромно и сверх того кажется человеком, получившим плохое образование» [4, т. 11, с. 402]; «Разделение труда, память, упражнение, привычка, инстинкт, наследственность, способность, сила – все это слова, которыми мы ничего не объясняем, а, скорее, обозначаем и ссылаемся» [4, т. 12, с. 30].

«Дух» индивидуализма и субъективизма чужд Ницше. Его тексты отражают интенцию мысли вырваться за пределы привычного, за пределы языка, морали, культуры. Об этой интенции позднее скажет Л. Витгенштейн: «Смысл мира должен находиться вне мира. <...> В самом деле, существует невысказываемое. Оно *показывает себя*...» [2, с. 70, 72]. Творчество Ницше – напряженный поиск указаний на то, что скрывается за «человеческим, слишком человеческим». *Подлинное* мира, его смысл, не высказывается, подлинное – это то, что остается после тотальной деконструкции, тотального разрушения условностей. «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [Там же, с. 73]. Ницше не говорит о подлинном, но его молчание носит демонстративный характер: «воля к власти», «вечное возвращение» есть фигуры этого молчания⁶. «Философия» Ницше есть демонстрация *возможности* подлинного.

Литература

1. Бойко В.А. Одиссея Фридриха Ницше // Идеи и идеалы. – 2014. – № 2 (20), т. 1. – С. 7–22.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 1–73.
3. Данто А. Ницше как философ. – М.: Идея-пресс: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 280 с.
4. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М.: Культурная революция, 2005–2014.
5. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 629 с.

Статья поступила в редакцию 20.09.2017 г.

Статья прошла рецензирование 09.10.2017 г.

⁶ В данном контексте особый смысл приобретает ремарка раннего Ницше: «Главной способностью мне представляется способность воспринимать *фигуру*, отраженную в зеркале. Пространство и время есть лишь *измеренные*, ритмом размеренные вещи» [4, т. 7, с. 422].

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-90-107

THEMATIZATION OF ABILITIES IN NIETZSCHE'S HERITAGE

Boyko Vladimir,

*Cand. of Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*
ORCID: 0000-0002-0365-5171
vboyko100@gmail.com

Abstract

The theme of abilities was constantly in Nietzsche's focus of attention, the meaning transformations of which in many respects define the depth of his mythopoetic discourse. The opposition of aesthetic ability, which is realized in a Dionysian Dithyramb and an Apollonian dream - and abilities to argue logically - is the basis of Nietzsche's analysis of the basic tendencies of cultural development in Ancient Greece. The German thinker understood harmonization of life as the process of tightening all abilities into one center, the main ability. However, harmonization of human life demands not only its deepening, but also the life's expansion beyond the sphere of individual existence. This deepening and life expansion should be connected with a current state of affairs which is achievable here and now. Hence, Nietzsche's interest in the problem of historical experience comes from, as well as the problem of differentiation between the historical and unhistorical. Free Spirit is, first of all, the ability for versatility and integrity, width and completeness. The thinker constantly points to the superindividual character of abilities, in its historical digressions the subject of abilities is mankind. Nietzsche's thematization of abilities shows incompatibility of its creativity with the individualistic outlook. In a certain sense the "philosophy" of Nietzsche is a conceptually verified strategy of application the metaphor of ability to designate the limiting bases of creative life.

Keywords: ability, ideal, creativity, Free Spirit, individualism, value, history.

Bibliographic description for citation:

Boyko V.A. Thematization of abilities in Nietzsche's heritage. *Ideji i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 90–107. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-90-107. (In Russian).

References

1. Boyko V.A. Odisseya Fridrikha Nitsshe [Friedrich Nietzsche's Odyssey]. *Ideji i idealy – Ideas and Ideals*, 2014, no. 2 (20), vol. 1, pp. 7–22.

2. Wittgenstein L. Logiko-filosofskii traktat [Tractatus logiko-philosophicus]. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty*: v 2 ch. [Philosophical works: in 2 pt.]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pt. 1, pp. 1–73. (In Russian).

3. Danto A. *Nietzsche as a philosopher*. New York, Macmillan, 1965 (Russ. ed.: Danto A. *Nitshe kak filosof*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2001. 280 p.).

4. Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 13 t. [Complete Works. In 13 vol.]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2005–2014. (In Russian).

5. Jaspers K. *Nietzsche. Einführung in das Verständnis seines Philosophierens* [Nietzsche: an introduction to the understanding of his philosophical activity]. Berlin, Leipzig, W. de Gruyter & co., 1936 (Russ. ed.: Yaspers K. *Nitshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 629 p.).

The article was received on September 20, 2017.

The article was reviewed on October 09, 2017.